Грузин, осетин, лезгин

В современных русских этнических названиях выделяется немногочисленная группа производных, образованных при помощи суффикса *-ин*: болгарин, татарин, грузин, осетин, лезгин и др. Множественное число от них образуется по-разному: от слов *грузин, осетин, лезгин* — с сохранением суффикса *-ин*, от *болгарин, татарин* — без суффикса. Это различие можно объяснить, только обратившись к истории языка.

В древности для обозначения народов и племен служили непроизводные собирательные наименования: Русь, Чудь, Литва, а для обозначения одного человека — представителя народа или племени использовались производные слова с суффиксом *-ин:* русин, чудин, литвин. Собирательное имя народа в смысловом отношении представлялось исходным понятием, название отдельного лица — вторичным. В ходе исторического развития языка смысловая и словообразовательная связь между собирательными названиями и производными с суффиксом *-ин* постепенно утратилась.

Однако одна из древних особенностей этих отношений все же сохранилась. Речь идет о том, что суффикс *-ин,* характеризующий единственное число, во множественном не появляется: болгарин — болгары, татарин — татары. Это объясняется первоначальным назначением суффикса *-ин* — указывать на единичное, отдельное лицо. По происхождению суффикс *-ин* восходит к общеславянскому количественному числительному *инъ,* которое в старославянском и древнерусском языках было лишено самостоятельного употребления и представлено только формами *един* и *один.* Корень числительного *инъ* сохранился в этих языках лишь в составе некоторых сложных слов — *инорогъ* — мифическое существо с единственным рогом на лбу, *иногда* — в значении 'однажды', например: «Прииде иногда къ Паисию нѣкто от старець» (Однажды к Пасию пришел

кто-то из старцев), в слове *инокъ* ‘монах’ (буквально ‘одинокий’). Кроме того, *-инъ* в этих языках было словообразовательным суффиксом, обозначающим единичное лицо, соотносимое с целым коллективом: *русин* ‘один из Руси’. Поэтому его называют суффиксом единичности, или сингулятивным.

Сингулятивный суффикс *-ин* в современном русском языке широко употребляется в словах типа *горошина, картофелина, градина* (ср. также в говорах *заборина* ‘одно бревно в заборе’, *потолочина* ‘одна доска на потолке’ и т. п.). Значение единичности в этих словах создается соотношением: картофель — картофелина, град — градина и т. д., где слова *картофель, град* выражают понятие нерасчлененного множества.

В обозначении народа и отдельных лиц подобные связи между производящим и производным словами давно утратились. Причиной нарушения древнего отношения «собирательность — единичность», очевидно, было расширение значения этнических наименований Русь, Литва и т. п., которые очень рано стали обозначать не только сами народы, но и населенные ими территории. Поэтому производные существительные *русин, чудин, литвин* тоже стали употребляться в значении ‘житель страны’. С течением времени в них возобладало именно географическое значение: ‘один из Руси’ отошло на задний план, уступив значению ‘рожденный или живущий на Руси’. Можно думать, что указание на место жительства или происхождение лица получило особую актуальность в эпоху феодальной раздробленности, когда географическая характеристика людей была важнее этнической.

Употребляемые для обозначения лица названия на *-ин* вступали в словообразовательные отношения с названиями, образованными при помощи суффиксов *-ец, -анин, -итин* и др. и имевшими формы множественного числа. Под их влиянием слова на *-ин* тоже начали употребляться в соотносительных парах с названиями множественного числа: греци — гречин, турци — турчин, черкасы — черкасин. Рядом с *-ин* употреблялись варианты с другими суффиксами: гречин и гречанин, турчин и турчанин, черкасин и черкашенин. В памятниках письменности нередки случаи употребления обоих вариантов в одном и том же предложении: «Бил об одном любчине, чтоб государь пожаловал, отпустил того любчанина» (1517).

Формы на *-ин* характерны для летописей, в актовых памятниках они представлены как варианты с оттенком архаичности. Принимая во внимание то, что в деловой письменности народно-разговорный язык отражен более полно, чем в летописях, можно сделать вывод, что слова с суффиксом *-ин* постепенно утрачивались в разговорном языке. Подтверждают это примеры из письменных памятников. Отмечены случаи «приращения» к *-ин* более продуктивного

суффикса названий жителей *-ец:* «того литвинца» (XVI в.); «С воеводою быть иноземцам: гречанам, полякам, литвинцам» (XVII в.); «Славяне поселились промеж эстландцами и финландцами при Балтийском море и оных мордвинцов и сибирцов» (В. Н. Татищев. История Российская. 1729). Распространенная русская фамилия Татаринцев говорит о возможности названия *татаринец,* которую в исследованных памятниках не довелось встретить.

Об архаизации форм с *-ин* свидетельствуют и отмеченные в памятниках случаи образования множественного числа от целой основы единственного, без ожидаемого опущения суффикса *-ин*: «Татаринов с 50 молодых людей изымали» (XV в); «Едут с тобой три литвины» (XV в.); «Триста татаринов, четыреста бухаринов, пятьсот черкашенинов» (Древние российские стихотворения, изданные Киршей Даниловым). Такую же форму использовал Пушкин в переводе из Мицкевича: «Три у Будрыса сына, как и он, три литвина...».

Приведенные примеры говорят об окончательном разрыве названий людей на *-ин* с древним значением единичности, соотнесенной с собирательностью. Правда, множественное число типа *татарины* в русском языке не удержалось, а форма *литвины* ныне воспринимается как архаичная. Суффикс *-ин* в современном языке, как правило, во множественном числе не появляется. Однако наименования *грузины, осетины, лезгины* этому правилу не подчиняются.

Поиски причин этого любопытного явления ведут в глубь веков. В древнерусском языке для обозначения страны, области, занятой каким-либо народом, употреблялось сочетание прилагательного, образованного от основы этнического названия, со словом *земля:* Аглинская земля, Голанская земля, Грузинская земля. Соответствующие названия людей образовывались от основ прилагательных, входящих в состав описательного географического наименования. При этом суффикс *-ск-* в основу производного на *-ец* не входил: «Карабль аглинцы отпустили ... сказали, что тот карабль, поискав аглинских караблей назад будет» (1580); «Пришел во царьствующий град Москву грузинец Русакбек» (1625); «Приезд грузинского митрополита Епифания и грузинцов»; «Осетинец Осип Абаев на возвратном пути убит кабардинцами» (XVIII в.); «Пришли нечестивые босурманы лезгинцы» (XVIII в.); «Промеж Тарками и Дербенем живут лязгинцы» (XVIII в.).

Названия *грузинец — грузинцы, осетинец — осетинцы, лезгинец — лезгинцы,* образованные от основ прилагательных с помощью суффикса *-ец* и не имеющие в словообразовательном отношении ничего общего со словами типа *русин, литвин,* употреблялись на протяжении нескольких веков. Общий для тех и других форм эле-

мент *-ин* не был одним и тем же суффиксом: в названиях на *-ец* он восходит к суффиксу притяжательных прилагательных, впоследствии ставших относительными, а в *русин, литвин* он сингулятивный по происхождению. Кроме того, элемент *-ин-* в названиях *грузинец* и под. находится в середине слова, прикрытый суффиксом *-ец*.

В XVIII веке названия с *-ин* постепенно выходят из употребления, *-ец* расширяет сферу словообразовательной деятельности, однако именно в эту эпоху в русском языке возникли современные формы: грузин — грузины, осетин — осетины, лезгин — лезгины. Они стали появляться первоначально во множественном числе. Традиционные русские наименования *грузинец — грузинцы, осетинец — осетинцы, лезгинец — лезгинцы* постепенно утратили суффикс *-ец* и были заменены на бессуфиксные формы, ставшие литературной нормой. Разумеется, эта мена не происходила механически и в течение нескольких лет. Она затянулась до конца XIX века. В памятниках отмечены случаи параллельного употребления старых и новых форм: «Как хищники засели в домах и садах и производили из оных по грузинцам стрельбу, то я, опасаясь, чтоб не было грузинам причинено большого вреда, принужден был для наведения страха на хищников приказать сделать несколько выстрелов из пушки» (1801); «Узнать о числе домов или семейств в каждом селе обитающих: особо грузин, особо армян, особо татар, особо осетинцев» (1802).

Долгое время названия единственного числа с *-ец* употреблялись с новыми бессуффиксными формами множественного, в ходу были числовые пары: грузинец — грузины, осетинец — осетины, лезгинец — лезгины (ср. также: башкирец — башкиры). Лишь во второй половине XIX века закрепляется привычное в современном языке соотношение: грузин — грузины и т. п.

Возникновение бессуффиксных форм *грузин, осетин* вследствие утраты суффикса *-ец* может показаться невероятным на фоне многочисленных новообразований с *-ец*, появившихся в XVIII веке. Однако не всегда утрате того или иного суффикса в каких-либо словах предшествует падение его продуктивности. В данном случае утрата *-ец* была обусловлена не словообразовательными свойствами этого суффикса, а тем, что наименования нерусских людей в XVIII веке вообще освобождались от русских суффиксов. Этот процесс охватил широкий круг образований, обыкновенных в памятниках до XVIII века. В результате названия иностранцев и представителей иноязычных народов России претерпели большие преобразования. Обиходные в прошлом *гречин, гречанин, турчанин, кумычанин, французанин, черкешанин* и другие устарели и вышли из языка, заменившись либо самоназваниями, либо латино-евро-

нейскими названиями: грек, турок, кумык, француз, черкес и т. д. (правда, некоторые их женские соответствия сохранили до сих пор свой архаический вид: гречанка, турчанка, француженка, черкешенка). Таким образом, появление бессуффиксных названий *грузин, осетин* вызвано было причинами не столько словообразовательного, сколько лексического порядка.

Архаизации традиционных русских названий *грузинец, осетинец* способствовало еще одно обстоятельство. Речь идет о замене в XVIII веке и позднее старых географических описательных имен типа Грузинская земля простым наименованием на *-ия,* возникшим под влиянием латино-европейского образца. Такие названия, как Англия, Грузия, Башкирия, Осетия, возможно, появлялись и ранее, но, судя по памятникам деловой письменности, широкоупотребительными они становились лишь начиная с XVIII века. Их появление влекло за собой утрату суффикса *-ец,* поскольку он присутствовал лишь в тех производных существительных, которые соответствовали основе географического названия с суффиксом прилагательного *-ск-*.

Современные *грузин, осетин* и т. п. можно считать бессуффиксными только с точки зрения исторического словообразования; для современного их положения такая характеристика неверна. Былая связь их с основами прилагательных перестала ощущаться, и в современном русском языке в них выделяется словообразовательный суффикс *-ин,* такой же, как в словах *болгарин, татарин,* хотя исторически это *-ин* восходит в одних названиях к сингулятивному суффиксу и к общеславянскому количественному числительному *инъ,* а в других — к притяжательному суффиксу *-ин.*

Кандидат филологических наук
А. А. АБДУЛЛАЕВ
Махачкала

Что читали древние?

Не та пшеница добра мнитьсѧ, иже на добрѣ поли пожата, но ꙗже полоньна и на пищу оугодна ѥ. такоже и моужа расоудимъ не ѿ славнаго рода, но ѿ нрава.

Не та пшеница считается хорошей, которая сжата на хорошем поле, а которая хорошо созрела и на пищу пригодна. Так и человека оценим не по знатному роду, а по нраву его (Пчела, л. 117).